

***

Патриарх задумался, болен и сердит.
У часовни девушка голая сидит,
шоколадка-девушка, киндер и сюрприз.
Мощи стариковские выпали из риз.
На её купальнике слёзы донных рыб.
Патриарх по памяти тыщу раз погиб.

А шалман «История», что стоит впрытык,
исторгает шлягеры, порченный язык.
В глубине часовенной молится народ,
всю вину истории на себя берёт.
Брежат свечки отблеском Страшного Суда,
ходят мимо берега белые суда.

В гору поднимаются звёздные миры,
стали белым городом, катятся с горы.
Голая не думает, где она гола,
а гора не ведает, что она гора.
Пляжная поэзия, пламенный закат,
ризы патриаршие по небу летят.

***

Тут тебе не место, ласточка норд-веста.
Что же твою душу тянет в это место?
Дело в Дерекойке, в речке Дерекойке,
мечущейся ночью на больничной койке,
но под Полицейским мостом пели жабы,
жалобные песни, жалобы неслабы.
Что это такое? Это не такое,
где толпятся овцы, как на водопое,
но речное устье смотрится в ночное
чёрное зеркало – небо нефтяное.
Не было пожара, но белы как сажа
труженицы пляжа и еврамассажа.
Старый мост насижен крапеными львами,
мраморными псевдо, около Kalvani,
около Armani – в плане гей-славяне;
лестницей успеха топают без лифта
авторы проекта «Солнечная кривда»;
мучается правда, мечется молитва,
став над этажами Графского проезда
чёрными стрижами, песнями протеста.
Двойственная бездна.
Тут тебе не место.

***

Формы листа виноградного
вспомнить никак не могу.
Отдыха второразрядного
в хижине на берегу.
Грохота моря и прочего
шума. В ночных родниках
запаха пота рабочего
не позабуду никак.

***

Там, легко разоблачаясь,
одеваясь не трудней,
живописью увлекаясь,
отвлекаясь на людей,
от родителей в секрете
в новый возраст перешла,
убегая на рассвете
на великие дела,
начинавшиеся рядом,
над оврагом под горой,
где, командуя парадом,
ждал хозяин мастерской.
Нет, не стирка и уборка,
но мгновенно и легко
на полу вставала горка
из кроссовок и трико.

***

Долголетие – условье
сверхулова, а в ином
варианте – безуловье.
Пахнет хлебом и вином,
ходит рыба, свищет птица
у высоких берегов,
над которыми коптитя
и сияет звёздный кров.

Над тобой в твоём заплыве
блещет яркая судьба,
белый город на обрыве
и боспорские гроба.

В длинных водорослях вьётся древнегреческая речь,
где бы ты с конём бок о бок по-сарматски смог залечь.
Золотую стружку с моря срежет ветер, и она –
кудри старого поэта в мире хлеба и вина.

Подняло тебя с подушки
и глубоко занесло.
Рядом, целя по макушке,
бьёт рыбацкое весло.

Ты бы мог уйти на флоте
в сумрак вымытых костей,
на дельфиньем эхолоте
без вести и без вестей.
Не дошло ещё до точки,
и глубокая вина
продолжительной отсрочки
только Делии видна.

ДОМ МУРУЗИ

Между Зиной Гишпиус и Осей
Бродским в новогоднем хороводе
дружно отплясав с повадкой козьей,
ты стихи читала при народе.
Хорошо на новогодней ёлке!
Хорошо служить российской Музе!
Девочки и мальчики! Осколки
солнца украшают дом Мурузи.

Кашу заварили – эта каша! –
неорганизованные предки.
Пойте, Зина, Ося и Наташа!
И своё читайте с табуретки!
С табуретки? Ой, уже со сцены.
Потому что быстро повзрослели.
В памяти столетия бесценны
всех пород порубленные ели.

Ты тогда училась в первом классе,
твой отец сиял мундиром флотским,
место твоё было на Парнасе
где-то между Гишпиус и Бродским.
Не ходили вы в один детсадик,
выросли на вольной воле сами,
вас ни бледный конь, ни медный всадник
не пугали белыми ночами.

Если поругаетесь – поладьте.
Всех дороже мне девчонка эта
в белоснежном фартуке и в платье,
помнится, коричневого цвета.
Прибежал с далёкой стороны я,
чтобы засвидетельствовать пылкий
голосок, и волосы льняные,
и ромашку шёлка на затылке.

***

Коралловое дерево увяло
и вымерзло, раздето догола,
и под шилой безжизненно упало,
но встало вновь по линии ствола.
На лютой стуже, при любом раскладе,
оно в живых останется одно.
Не путай с кипарисом, бога ради.
Коралловое дерево. Оно.

Оно полно действительности горней,
и в генах у него морское дно,
и состоят мозги его из корня.
Коралловое дерево. Оно.

ДЖАНИБЕК. 1346

Обратиться, опять же, к шкафу
со скелетом, да ни к чему.
Джанибек, осаждая Кафу,
на Европу наслал чуму.

Он забрасывал через стену
зараженные трупы, чтоб
генуэзцы познали цену
транспортируемых хвороб.

Разрастающийся некрополь
чернобокие корабли
быстрым ходом в Константинополь
и в Италию повезли.

В белых банях до блеска парясь,
хан уснёт на халате, но
превращается в чёрный парус
черноморское полотно.

Стаи белых и чёрных тучек
бескорыстно гоняет бриз,
тенью чёрных стрижей летучих
стала армия чёрных крыс.

Так чего ж не поёте, черти,
на текущем пиру чумы,
что дыханием Чёрной смерти
треть Европы спалили мы.

***

Тринадцать избушек. Солдаты да местные греки,
а также татары, да море, да горные реки.
Ловили ставриду, тонули, стреляли из пушек
по страшному турку. Исчезли тринадцать избушек.
А что остаётся? О чём назвенели века мне?
Река моя вьётся, река моя бьётся о камни.
И горлица плачет о том, что печаль постоянна –
тринадцать избушек покинули мыс Иоанна.

На камни и пепел по ветру пришёл Торричелли¹ –
и выросла церковь, и ветер ушёл из ущелий.
Но чёрная чайка стоит на устойчивом дыме,
глаза и затылок закрыла крылами седыми.
На белом соборе, на башне его восьмигранной,
зияют глазницы, и каждая кажется раной.
Но ветер заносит в пустынную грудь маловеера
прошедшее имя реки его – Кремастенеро².

¹ Джорджо Торричелли (1800-1843), архитектор.

² Кремасто-Неро (др.-греч. Κρεμαστόν νερόν – «висящая вода»).

***

Это правда. Боль проходит –
остается красота.
По холсту художник водит
кистью, пленницей холста.
Крепнет каменная штора –
в укрепляющейся мгле
светит лампочкой шахтёра
третье око на челе.

Про физические муки
не расскажем никому.
А когда откажут руки,
кисть привяжем к рукаву.
Беспросветней антрацита
залетейские пласты.
От артрита есть защита.
Нет её – от красоты.

***

От Лютеции до Курил,
не задерживаясь нигде,
ты её по земле водил,
ты водил её по воде.
То, что спутнице показал,
в память штопанную кладешь –
ветер в поле, базар-вокзал,
воробьиной шпаны галдёж.

Благодарно изумлена,
дальний свет над глухой тропой
засвидетельствовала она
сверх показанного тобой.
Шумных трав и воловьих жил
незахлебывающийся звук –
факт того, что ты шел и жил,
получаешь из первых рук.

***

Так с холодными ногами и заснул,
так с холодными ногами и проснулся,
а над морем не стихал крошечный гул,
мореход из кругосветки не вернулся.

Лапа кедра и ржавеет, и дрожит,
соловьи о мореходе не запели,
но, возможно, это он сейчас лежит
вместо автора, зарытого в постели.

***

Пока мы блуждаем в Лебязьем
в виду Боровицких ворот,
неслыханной важности, скажем,
событие произойдёт.
В деревьях, похожих на трубы,
возникнет серебряный звук,
и, видимо, девичьи губы
окажутся розами вдруг.

Двух всадников серого волка
в дорогу позвал соловей,
завёлся, запёлся, защёлкал,
назвался защитой твоей.
Береза как лебедь крылата,
и тополь как Пушкин богат.
В расцвете ума и таланта
поёт Александровский сад.

***

Я должен заниматься только тобой, только тобой,
покудова другие тут держат хвост трубой.

А там, где худо выглядят, где дело швах,
где убыль населения набирает оборот,
где то и дело падают в двух шагах
от нас с тобой, мне следует орать – вперёд!
Я должен перед Господом, когда он есть,
но чаще перед пропастью, в которой мрак,
я должен утром яблоко тебе принести,
спалить – и пепел вымести – чумной барак.

За это причитается не тут, а там,
где музыкой уравнины Катулл и младотурок,
а нам с тобой наставили по ягодным местам
капканов златокованных, играющих шкатулок.